

УДК 165.192(72.01)

АРХИТЕКТУРНО-ЛАНДШАФТНОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ОБРАЗА ВЛАСТИ***В.В. Федоров, М.В. Федоров, Д.А. Ханьгин, А.Ж. Овчарова***

В массовом сознании сложилось представление о пространстве социального бытия как совокупности подпространств — властных, хозяйственно-бытовых, правовых, рыночных, экономических и других [1, 2]. Каждое из них трактуется как «социальная реальность, спроецированная на территорию» [3]. Пространственное видение мира способствует объединению различных форм представления социальной организации с позиций идеологии, экономики, психологии, веры и пр. В частности, анализ социальной действительности сквозь призму пространственных отношений дает новые возможности изучения отношений общества и власти как особым образом организованных территориально-пространственных структур, позволяет раскрыть их содержание, неочевидные связи и взаимовлияния.

Социальное пространство (социальные связи) — предельно широкое понятие, использующееся для описания социальной реальности как пространственно-временной структуры.

На одну и ту же территорию одновременно проецируется множество подпространств, выступающих как нечеткие множества, размытые и взаимодействующие. Они соприкасаются и взаимопроникают, но одновременно демонстрируют и способность к разобщенности (взаимному неприятию, отталкиванию, дистанцированию).

Каждое такое подпространство создает необходимые условия и упорядочивает определенную область социального развития и деятельности.

Уровень развития общества измеряется, среди прочего, насыщенностью территории различными проекциями подпространств, их внутренней сложностью и характером взаимодействий.

Даже меняя территорию, социум (этническая группа) еще долго живет в привычных подпространствах. Пример последних дней — глобальные миграционные потоки и их социальные последствия.

Политические, правовые, геополитические, военные, экономические, технологические, этнические, религиозные, информационные, культурные, образовательные и другие социально-пространственные образования пересекаются, накладываются и взаимодействуют, порождая при этом все новые и новые формы организации архитектурно-ландшафтной среды. Виртуальные пространства представляют собой самый яркий пример возникновения новых пространств (не только тождественных, но и во многом опережающих формирование новых аспектов социального бытия и возможностей управления их эволюцией).

Обращение к пространственному аспекту отношений общества и власти предполагает понимание пространства власти как контаминации физического (архитектурно-ландшафтного, географического, предметного) пространства и упорядочивающего его пространства социального, задающего технологическую структуру властных отношений. Понятно, что пространство власти не ограничивается городскими площадями и улицами, оно включает и поверхность суши (где власть демонстрирует, например, державную военную мощь), и подземные пространства (метро, шахты, бункеры, подземные убежища, ракетные базы и пр.), и мировой океан (место дислокации атомных субмарин), и воздушное, и космическое пространство [3]. При этом оно часто включает архитектурно-ландшафтный компонент как один из главных способов презентации образа власти.

Сложившиеся в обществе представления о власти в полной мере становятся объектом рефлексии в качестве «образа власти», когда они приобретают знаковое выражение (вербальное

или визуальное), несущее определенную смысловую нагрузку [5]. Топологическая рефлексия феномена власти предполагает обращение к вторичной семиологической системе, объединяющей знаки первого и второго порядка [6, 7]. В этом смысле образ власти неотделим от его материального и содержательного выражения, выступает как результат социальной коммуникации [8, 9].

Базовые и конъюнктурные аспекты образа власти всегда и везде находили воплощение в архитектуре, скульптуре, живописи, на страницах книг и газет, и конечно – в сказках и легендах [10]. Дошедшие до наших дней руины, свидетельствуют, что монументальные архитектурные творения, воплощающие силу и величие власти (пирамиды, храмы, обелиски, дворцы), всегда были средством подтверждения права господствовать. Этой же идее служила и «противоестественная», с точки зрения обывателя, функциональная организация подобных объектов. Например, развитая подземная часть, зачастую превышающая объем, возвышающийся над землей, или циклопические по размерам и количеству помещений сооружения некрополей в различных странах.

Уже в начале III тыс. до н. э. (в Египте эпохи фараона Хасехема) сформировались строгие каноны в этой сфере профессиональной деятельности. Масштабные сооружения храмов, но стесненные и затененные пространства в них. Спокойные, статичные, исполненные величия позы статуй усопших властителей служили не просто символами высшей власти, но и после смерти продолжали играть религиозно-ритуальную роль. Фронтальная постановка величаво-монументальных стоящих или сидящих фигур властителей. Спокойные бесстрастные лица. Статуи всегда в одежде, окрашенной в символически важный белый цвет. Все подчеркивало силу и нерушимость власти. Религиозные обряды, проводимые в такой специфической архитектурной среде, были очень важной процедурой, обеспечивавшей преемственность власти. Вполне естественно, что стремление фараонов и жрецов утвердить свой статус выражалось и в доминирующих размерах, возводимых для них сооружений самого различного назначения.

В условиях сложного рельефа, преобладающего в Древней Греции, появилась возможность акцентировать уровневую природу градоформирующих архитектурных комплексов, символизирующих власть во всех ее ипостасях. Пример – Афинский акрополь (скала размерами 300 x 130 метров, возвышающаяся на 150 метров над уровнем моря, примерно в нескольких километрах от бухты). Комплекс служил государственным, религиозным, общественным и фортификационным центром Афин. В основу его объемно-планировочного решения был положен принцип гармонии отдельных сооружений. Это логично вытекало из ориентированности всей греческой культуры на равновесие человека и природы, верховенство права, господство общественных интересов над личными, общества над аппаратом власти. Центральный объект – храм Парфенон – стал ярким архитектурным воплощением идей свободы, демократии, закона. Множество его колонн символизировало афинский народ – основу государства и единственный источником законной власти.

Древний Рим, безусловно, испытал сильное влияние древних архитектурных традиций Египта и Греции. Но здесь возникли и новые архитектурные решения пространств власти. Например, в эпоху ранней республики суд вершили под открытым небом, прямо на торговой площади на ступеньках храма, чтобы обеспечить открытость и гласность процесса. Появились базилики – грандиозные общественные здания для торговой и судебной деятельности. Строились форумы, общественно-административные здания, зрелищные сооружения, термы, дворцы аристократии и массовая застройка (инсулы – многоэтажные жилые дом с комнатами и квартирами, предназначенными для сдачи внаем), храмы, мемориальные сооружения, акведуки и виадуки, триумфальные арки и многое другое.

Исторические эпохи и своеобразие национальной культуры накладывали на архитектурное воплощение образа власти свой отпечаток, но лучшие достижения в этой

сфере вновь и вновь воспроизводятся в наши дни. В методологическом плане исследования рассматриваемого феномена опираются на следующие подходы [9]: 1) семиотический (Р. Барт, У. Эко, С.С. Аверинцев, М.Б. Ямпольский и другие); 2) культурно–антропологический (А.Я. Гуревич, С. Лебек, Г.С. Кнабе, П.П. Шкаренков и другие); 3) психологический (М. Фуко, Б.Г. Могильницкий, И.Ю. Николаева и другие); 4) искусствоведческий (М.Б. Ямпольский и другие); 5) институционально–правовой (Н.А. Хачатурян, А.Г. Глебов и другие).

Однако при любом подходе анализ структурных составляющих образа власти, соответствующего конкретному социуму и определенной исторической эпохе, показывает, что во всех случаях присутствует общий элемент – предметно-материальное воплощение феномена власти в архитектуре, скульптуре, прикладном искусстве и пр. Обнаруживаются некие инвариантные предикторы организации пространств власти (как историко-культурная традиция, позволяющая судить об актуальном состоянии социума).

Пространство власти (как социально-топологический феномен) организовано определенной исторически сложившейся совокупностью властных технологий. Многие закономерности взаимодействия пространств социальных и пространств власти лежат в плоскости социальной психологии и находят свое выражение в организации архитектурно-ландшафтной среды. Наличие обратной связи порождает сложный и трудно прогнозируемый результат восприятия власти (пространства власти как формы ее презентации) индивидом и массовым сознанием. Причем результат этот носит исключительно субъективный характер и зависит от большого количества факторов (начиная от социально-экономической ситуации в стране, заканчивая погодой и ситуационным настроением субъекта восприятия). Тривиальны описания Красной площади как главной и самой красивой площади страны. Но можно встретить и полярные суждения, которые больше характеризуют личность субъекта восприятия, чем этот образчик российских пространств власти. Например, И.Г. Эренбург в романе «Жизнь и гибель Николая Курбова» дает следующее описание этого архитектурного шедевра от лица человека, который всеми фибрами души ненавидит советскую власть.

«... Пасть Кремля с зубами часовых. Неподходящая, злая резиденция. Конечно, другие любят: история, архитектура, купола, голуби, словом, идиллия. Здесь накопилась вся ханжеская пакость, все лицемерие, бесстыдство огромной степи, которую звали «Русью». Здесь запах веков, отвратный запах сундуков... Здесь запечатлелась собачья угодливость, причитания, звериная жестокость, хамство, квасная лень с отрыжкой и зевотой на все материки. Слова расходятся спиралями. Точен – аппарат. Конденсированная воля в пиджачной банке. Пророк новейшего покроя, за две недели ставший мифом...»

Тема обращения власти с пространством (структурирования, демонстрации, насилия) достаточно давно является предметом пристального внимания искусства и науки. Всегда и везде власть стремится контролировать все жизненное пространство людей, создавая условия для формирования новых и совершенствования старых идеологий и технологий власти. В современном мире не существует ойкумены, не имеющей выраженной социальной иерархии (стратификации, социальных дистанций, диспозиции и пр.) в демонстративной или скрытой форме. В результате город как пространство социального бытия представляет собой пример [11]: 1) преобразования экономических и культурных различий в пространственное распределение (центр, периферия, пригород); 2) пространственного противопоставления «правого берега левому берегу», соответствующего разделению поля власти. Социальное деление, материализованное в архитектурно-ландшафтной среде, выступает одновременно: а) как принцип разведения и представления; б) как категория понимания и оценивания.

Включение в структуры пространства власти происходит: 1) путем конвертирования статуса индивида или группы в систему знаков, которые социум квалифицирует как подъем или упадок, включение/исключение, приближение/удаление

(право на особые места работы, проживания, медицинского обслуживания, нахождения на трибуне, положения относительно вождя во время различных мероприятий и пр.); 2) наделения возможностью пространственного перемещения представителя власти в особых средствах передвижения: а) больших, черных, бронированных, оборудованных проблесковыми маячками, специальными звуковыми сигналами, имеющие особые регистрационные знаки и сопровождаемые эскортом, автомобили; б) в огромных полупустых (рассчитанных на сотни пассажиров), специально оборудованных авиалайнерах.

Самыми очевидными признаками воплощения власти в архитектурной среде выступают: архитектурный стиль (используемые формы), уровневый аспект (высота над окружением), нахождение в центре поселения, положение относительно красной линии, цвет и фактура стен объекта, символизирующего власть (резиденции, монумента, памятника, трибуны и так далее). В общем случае социально-пространственная квалификация (почетное место, первенство и т. п.) и топологическая иерархия (верхняя часть/нижняя часть, благородное место/постыдное место, авансцена/кулисы, фасад/задворки, правая сторона/левая сторона и другие) полностью совпадают. Власть утверждается в присвоенном пространстве и осуществляется как символическое насилие над топосом и социумом (может быть и не всеми замечаемое).

С функциональной точки зрения задача власти состоит в реализации целей управления, поэтому феномен власти перманентно присутствует в любом социуме и не может быть сведен только к функции насилия. Прежде всего, власть – это своеобразная система коммуникации между различными субъектами и объектами, участвующими в системе властных отношений, а не просто достояние одной из сторон. Возникающее коммуникативное влияние выступает, прежде всего, как психологическое воздействие, осуществляемое посредством различных знаковых систем, включая закономерности восприятия и понимания пространственной среды. Говоря о власти (будь это власть церкви, выраженная в торжественном образе собора, или власть светская, заявляющая о себе пышной декорацией фасада дворца и особой организацией архитектурного пространства), мы можем выделить некоторые характерные аспекты [12].

1. *Социальный аспект* пространственного проявления власти состоит в постоянном напоминании обществу о собственной исключительности. Именно поэтому властные структуры испытывают сильную привязанность к «зданиям с биографией» (дворец, кремль, особняк), уже имеющим свое место в истории и общественном сознании.
2. *Политический аспект* выражается, прежде всего, в центральном положении властных строений в структуре поселения; если возможно – на возвышенности и в известном удалении от рядовой застройки.
3. *Личностный аспект* состоит в «пространственном» унижении человека и противопоставлении человека и власти.

Собственно сам процесс формирования городской среды (проектирования пространств власти – в особенности) является способом демонстрации права на власть. Обыватель должен чувствовать контраст между повседневной суетой обыденного города и спокойствием, пышным величием власти. Попадая в пространство власти, он погружается в мир, который всеми силами стремится подчеркнуть границу между собой и обыденностью. Пространственное превосходство естественным образом «наделяет» правом на власть, то есть возможностью осуществлять свою волю уже без применения силы. Воздействие предметно-пространственной среды на человека неустранимо, поскольку информация об окружении попадает в подсознание напрямую, как жизненно важная. Даль и близь, верх и низ, свет и тень, препятствие или свобода для движения, а также расстояния, формы, характер поверхностей – все это считывается, усваивается и оказывает воздействие на психику человека независимо от того, замечает ли он, запоминает ли детали окружения.

Заказчик и архитектор, формирующие архитектурную среду, создают мощный и постоянно действующий инструмент воздействия на психику и, в конечном итоге, на

поведение человека. Можно предположить, что семантика архитектурно-ландшафтного и планировочного воплощения пространств власти задается совокупностью неких предикторов (независимых признаков), которые могут быть объединены в четыре большие группы (табл. и матрица значимости). Всегда и везде среда предметно-пространственного окружения служит средством освоения человеком пространства; выполняет защитную функцию для всех членов общества; является активным инструментом воздействия человека на окружение, установления его власти над определенной территорией, над пространством и временем; выступает фактором становления индивидуальной психики и массового сознания.

Вполне естественно, что властные амбиции многочисленных факторов получают очень разное выражение в архитектурно-ландшафтной среде: грандиозное, монументально-помпезное или более скромное, функциональное, но неустранимо присутствующее в пространствах власти.

Условием прочтения такого архитектурно-ландшафтного текста как пространство власти является оперирование субъекта определенным тезаурусом (очень индивидуальным и подвижным во временном отношении). При этом неизбежен переход от «канонических» значений элементов пространства к «расщепленным переменным», которые не могут трактоваться однозначно. Но их возможные значения всегда присутствуют в смысловом пространстве индивида и социального субъекта.

Предикторы пространства власти

Признаки	Индекс	Краткая характеристика независимых признаков пространства
1	2	3
I. Пространственное положение структур власти	I.1	В центре поселения, на участке, расположенном, как правило, выше окружающей рядовой застройки
	I.2	В виде изолированной (пространственно, зрительно, функционально, ограниченного доступа и пр.) одноуровневой зоны
	I.3	Геометрически правильная форма участка, ориентированного следуя культурным и конфессиональным традициям. Размещение, форма в плане, расположение входов, а также общая ориентация зданий никогда не являются случайными, произвольными или просто утилитарными. Важное условие – регулярный характер застройки
	I.4	Продуманный выбор направления, формы и уровневой природы переходов (процессий) и различных коммуникаций на территории власти
Продолжение таблицы		
1	2	3
	I.5	Использование архитектурного контекста для усиления однозначности результата восприятия (маскировка под традиционную форму в зависимости от требований места)
II. Архитектурные формы и планировочные решения	II.1	Отказ от неоднозначных и неопределенных решений, порождающих сиюминутный интерес. Использование правильных канонических форм, отвечающих ожиданиям и представлениям масс об устойчивости бытия. Напыщенность и однообразие форм, значения которых однозначно совпадают с их типологическими образами в обыденном языке
	II.2	Повторение черт, свойственных хорошо известным объектам, имеющим безусловную культурно-историческую ценность. Преимущественное использование элементов, свойственных архитектурной классике: барельефов, геральдических композиций, архитектурных ордеров и пр.
	II.3	Метафоричность архитектурно-планировочных решений – перенесение свойств одного объекта на другой, по принципу их сходства в отношении причастности к

		власти
	II.4	Относительное постоянство размеров и пластического оформления различных объектов, принадлежащих комплексу зданий, в котором располагаются властные структуры
	II.5	Возведение избыточно монументальных, масштабных объектов, естественным образом задающих дистанцию допустимого приближения
III. Светоцветовое и фактурное решение	III.1	Цвет и фактура фасадных поверхностей выступают как важное средство достижения ансамблевой целостности
	III.2	Полихромия как композиционный прием: а) выявления формы; б) членения пространства; в) организации нового центра; г) преодоления формы; д) искусственного увеличения (уменьшения) расстояний
	III.3	Доминирование как в экстерьерах, так и интерьерах «теплых», шероховатых фактур (кирпич, штукатурка, бронза, дорогие породы дерева). Ограниченное применение больших остекленных поверхностей, анодированного алюминия и «чистого» металла и особенно – крупноразмерных зеркальных поверхностей
	III.4	Корректировка (обогащение) архитектурного образа пространства власти путем использования организованного ночного освещения. К «световой архитектуре» относят как специально освещенные объекты, так и световые проекции на объектах или в пространстве. Воспринимаемые как реальные объекты образы световой архитектуры являют собой широчайшее поле символической интерпретации (в значительной мере программируемой)
IV. Архитектурная символика	IV.1	Постоянное обращение к символизму архитектуры как способу демонстрации преемственности власти – поддержания, фиксирования и трансляции исторического опыта
	IV.2	Использование символика архитектурной формы для обеспечения связности архитектурной ткани пространства власти
	IV.3	Обращение к символической, связанной с глубинными слоями мировоззрения человека, с его подсознательным, побуждающей к действию без осмысления
	IV.4	Оперирование общекультурными архитектурными символами (а не символами экзистенциального или эротического уровня)

Прежде всего, речь идет: 1) о *логичности архитектурно-ландшафтного текста в структуре пространства власти* (непротиворечивости структурной организации), 2) его *связности/целостности* (наличии взаимосвязи в последовательности признаков, обеспечивающих восприятие пространственного текста), 3) *доступности* как характерологическая черта (возможности извлечь смысл, минуя возможные препятствия на пути информационного потока). Эстетическая, символическая, императивная, эмотивная, фатическая (контактообразующая) и металингвистическая функция пространства проявляются конвенционально в процессе использования того или иного кода. Устойчиво воспроизводимые в течение тысячелетий характеристики пространств власти несут определенное содержание, одновременно обусловленное и необходимостью решения прагматических задач. В понятиях теории коммуникации принцип функциональности здесь означает, что архитектурное пространство должно «не только делать возможным осуществление соответствующей функции, но должно означать ее так очевидно, чтобы осуществление было не только исполнимым, но и желательным» [7].

В самом общем виде инвариантные черты планировочной организации пространств власти заключаются в некоторых моментах:

в симметрии (дисимметрии), наличие выраженной оси, доминирование «классической» формы (прямоугольника в чистом виде или обогащенного включением дуг окружности);

ансамблевой застройке, синтезе архитектуры со скульптурой и монументальным искусством;

организации свободного пространства для демонстраций, шествий, митингов.

Матрица значимости и взаимосвязей предикторов пространства власти

	Архитектурная символика [36,78 %]	Положение структур власти [30,58 %]	Архитектурная форма и планировочное решение [23,14 %]	Свет, цвет, фактура [9,50 %]
Архитектурная символика [36,78 %]	–	92,00	96,00	90,00
Пространственное положение [30,58 %]	92,00	–	25,00	27,00
Форма и планировка [23,14 %]	96,00	25,00	–	50,00
Свет, цвет, фактура [9,50 %]	90,00	27,00	50,00	–

В матрице интенсивность связей между независимыми признаками пространства власти дана в экспертной оценке по 100-балльной шкале (в квадратных скобках указаны показатели значимости различных групп предикторов).

Использование подобного рода универсальных кодов пространственного проектирования позволяет на протяжении всей истории человечества переводить информацию в искусственно создаваемую архитектурно-ландшафтную среду и снова декодировать в ее процессе восприятия. Все это вовсе не требовало от их создателей обязательной причастности к высотам человеческого духа, присущим высокоразвитой культуре. Отвлеченно-духовные устремления и представления воплощались чаще всего интуитивно, что, конечно же, не исключало настоятельной необходимости знакомства зодчих с мировым опытом [15].

Любое общество находится под впечатлением символических сооружений (от менгиров, дольменов и кромлехов до триумфальных арок, мавзолеев, мемориальных комплексов и пр.). Они не оставляют людей равнодушными и позволяют в доступной форме выразить действительное или мнимое величие власти и социума, наличие мощных исторических корней, превосходство национального или революционного духа. Результат восприятия, отвечающий инвариантным представлениям общества, порождает в нем определенный спектр образов, эмоций, значений. В синхронно-диахронном отношении семантика этого компонента архитектурной среды (при внешне неуклонном следовании канонам и национальным традициям) непрестанно трансформируется и получает все новую и новую историческую, культурно-региональную и индивидуально-психологическую окраску. Рассмотренные предикторы архитектурно-ландшафтной среды во многом собственно и определяют характер воплощения в ней образа власти.

Библиографический список

1. Штомпка, П. Социология социальных изменений / П. Штомпка. М.: Проект, 1996. 324 с.
2. Федоров, В.В. Пространства социального бытия / В.В. Федоров, М.Х. Килясханов. Тверь: Полипресс, 2010. 164 с.
3. Косолапов, Н.А. Глобализация: территориально-пространственный аспект / Н.А. Косолапов // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 6. С. 3–13.

4. Косолапов, Н.А. Россия: территория в пространствах глобализирующегося мира / Н.А. Косолапов // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 7. С. 3–14.
5. Вершинина, Н. С. Сознательные и бессознательные компоненты образа политической власти / Н.С. Вершинина, Е.А. Мирицкая, О.И. Муравьева // Сибирский психологический журнал. Вып. 27. Томск, 2008. С. 54–59.
6. Савчук, В.В. Топологическая рефлексия / В.В. Савчук. М.: Канон, 2012. 312 с.
7. Эко, У. Отсутствующая структура / У. Эко. М.: Симпозиум, 2006. 424 с.
8. Романович, Н. А. Образ власти как отражение российской политической культуры / Н.А. Романович // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. № 1. Воронеж, 2010. С.169–172.
9. Санников, С. В. Образы королевской власти эпохи Великого переселения народов в западноевропейской историографии VI века / С.В. Санников. Новосибирск: НГУ, 2011. 216 с.
10. Образы власти, государства и права, воплощенные в архитектуре и скульптуре. URL: <http://distance.rpa-mu.ru/files/books>. (дата обращения: 07.10.2015).
11. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. URL: <http://rutracer.org/forum/viewtopic.php>.(дата обращения: 12.10.2015).
12. Федоров, В.В. Мифосимволизм архитектуры / В.В. Федоров, И.М. Коваль. М.: КомКнига, 2009. 226 с.
13. Рябушин, А. Красная площадь. Мавзолей / А. Рябушин // Архитектура. 1982. № 23 (535). С. 2.
14. Зуева, Т.М. Механизмы формирования образа власти / Т.М. Зуева, Е.М. Шкилева // [Теория и практика общественного развития](#). Вып. 3. 2013. С. 15–20.